

БЕС ПРАВА. РУССКОЕ ПРАВО КАК УСКОЛЬЗАЮЩАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

В.Б. Пастухов

Ключевые слова: Россия, право, власть, правосудие, кризис права, судебная система.

Строгость российских законов смягчается
необязательностью их исполнения.

Н.Е.Салтыков-Щедрин

Русское право редко становится объектом политических исследований. Возможно, политологи рассматривают его как предмет, недостойный их внимания. Возможно, они просто не хотят вторгаться на территорию, прочно оккупированную юристами. Однако и юристы тоже не спешат исследовать русское право не как систему норм, а как социальное явление. К тому же их “инструментарий” к этому не очень приспособлен: юриспруденция – это преимущественно наука о “должном”, а не о “сущем”. С “должным”, как известно, в отличие от “сущего”, в России никогда проблем не было. А на нет, как известно, и суда нет...

Таким образом, русское право все более и более превращается в *terra incognita*, о которой ходят самые разнообразные слухи, но которую никто толком так и не видел. Мало кто готов не то чтобы объяснить, что происходит с русским правом, но даже просто описать адекватно основные тенденции в его развитии. Вопрос о праве (в негативной интерпретации – о произволе) все более прочно входит в российскую политическую повестку дня. Вокруг практических аспектов применения русского права разворачиваются нешуточные политические баталии, в то время как само это право предстает в глазах исследователей расплывчатым и отнюдь не имеющим первостепенной значимости феноменом.

Роль и значение права как социального регулятора общественной жизни в России традиционно остаются недооцененными и – как следствие этого – недоисследованными.

По умолчанию считается, что русское право, в общем и целом, ничем не отличается по своей природе от европейского права, только плохо работает. В действительности все обстоит наоборот: русское право принципиально отличается от европейского права и по-своему прекрасно работает. Проблема лишь в том, что результаты этой работы не соответствуют общественным ожиданиям, которые как раз весьма близки к европейским образцам.

МНОГОЛИКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ РУССКОГО ПРАВА

Единственное, что легко фиксируется на эмпирическом уровне, – это дуализм русского права.

ПАСТУХОВ Владимир Борисович, доктор политических наук, профессор, публицист. Для связи с автором: vladimir.pastukhov@yandex.ru

Даже просто описать состояние права в современной России нелегко. Не в последнюю очередь потому, что его восприятие очень субъективно и зачастую сильно конфликтует с реальностью. А эта реальность весьма противоречива и практически не допускает каких-либо однозначных оценок.

С одной стороны, современная Россия предстает страной, где господствует правовой нигилизм. На первый взгляд, право играет в практической жизни населения России самую мизерную роль. Еще несколько лет назад гораздо больший интерес, чем право, у исследователей вызывали те неформальные нормы и правила поведения (“понятия”), которые порой и были реальными регуляторами поведения миллионов россиян. Сегодня уже действительность этих неформальных норм и правил ставится под сомнение, и возникает ощущение, что единственным действующим “регулятором” в России осталось насилие (этот феномен получил название “беспредел”).

С другой стороны, как это ни парадоксально, Россия предстает страной, в которой непрерывно растет “спрос на право”. Этот спрос вытекает прежде всего из потребностей растущего несмотря на все ограничения частного рынка. Развитие рыночных отношений имеет неизбежным своим следствием необходимость постоянно “разруливать” тысячи ежедневно возникающих мелких и крупных конфликтов. А это в свою очередь подталкивает участников рынка к поиску оптимальных форм разрешения конфликтных ситуаций.

Если первая тенденция в развитии российского права достаточно очевидна и о ней много говорится в прессе и научной литературе, то вторая носит латентный характер и зачастую кажется иллюзорной.

Доминирующее сегодня в медийном пространстве восприятие российских правовых реалий формируется преимущественно как реакция на так наз. резонансные дела, каждое из которых по отдельности и все они вместе взятые, как правило, являются блестящей иллюстрацией правового нигилизма.

В то же время, “резонансные дела”, являясь, безусловно, маркерами ситуации, не представляются абсолютными и единственными индикаторами, опираясь на которые можно судить о российском праве. Все они, даже такие громкие, как “дело Ходорковского”, “дело Магнитского”, “дело Евсюкова” и им подобные – очень показательный, очень важный, но все-таки частный случай в океане российской правоприменительной практики. Об “океане” в целом только по этим делам судить нельзя.

Наиболее общим индикатором состояния права в России служит деятельность российских судов. Поэтому некоторое представление о том, что происходит сегодня с русским правом, может дать судебная статистика. При всем несовершенстве этого “инструмента”, в русских условиях критическое использование доступных статистических данных позволяет получить любопытные результаты.

Первое, на что приходится обратить внимание, это то, что из года в год все больше людей обращается в России в суд.

Так, если судить по данным, опубликованным на официальном сайте Высшего арбитражного суда РФ, за первые шесть месяцев 2010 г. в арбитражных судах России было рассмотрено 621 291 судебное дело, что на 13,2% больше, чем за первое полугодие 2009 г. [Сайт Высшего арбитражного суда... б.г.].

При этом в 2009 г. в арбитражных судах России было рассмотрено около полутора миллионов судебных дел, что почти на 45% больше, чем в 2008 г. Нагрузка на одного судью выросла с 51 до 60 дел в месяц в судах первой инстанции, с 31 до 38 дел в месяц в судах апелляционной инстанции и с 23 до 25 дел в месяц в судах кассационной инстанции [там же].

Эту же тенденцию можно наблюдать и в судах общей юрисдикции. Количество рассматриваемых ими гражданских дел возрастает ежегодно приблизительно на 20% и в настоящее время составляет около 9 млн дел в год [Сайт судебного департамента... б.г.]. Таким образом, можно предположить, что от 5 до 10% населения России так или иначе сталкиваются с российским правосудием.

Обращает на себя внимание, что опережающими темпами растут именно обращения в суды по спорам граждан и частных организаций друг с другом. Так, по информации, размещенной на том же сайте Высшего арбитражного суда РФ, за те же самые первые шесть месяцев 2010 г. по сравнению с аналогичным периодом 2009 г. количество обращений по гражданским (торговым) спорам увеличилось на 18,6%. В то же время, количество обращений по административным спорам увеличилось только на 3,9%. То есть, между собой россияне спорят гораздо чаще, чем с государством... [Сайт Высшего арбитражного суда... б.г.].

Еще более показательными являются данные статистики о количестве обжалуемых судебных решений. Так, из всех дел, рассмотренных арбитражными судами в первой инстанции, было обжаловано в апелляции только 115 000 дел, или 20% всех принятых судами первой инстанции решений. До кассации дошло 56 000 дел, т.е. только около 10% судебных актов первой инстанции.

Анализировать эти данные очень сложно, так как реальность, стоящая за этими цифрами, может быть очень разнообразной. Тем не менее, трудно отрицать, что правосудие пользуется у граждан России по тем или иным причинам всё возрастающим спросом, и более 80% обратившихся в суд лиц отказываются обжаловать постановления судов первой инстанции. При этом россияне охотнее судятся друг с другом, чем с властью.

Эти впечатления частично совпадают с данными социологических исследований, которые резко контрастируют тональностью публикаций о судах в прессе и оценкой многих конкретных судебных решений. Показательны выводы, полученные в рамках масштабного опроса, проведенного фондом ИНДЕМ:

- россияне доверяют судам больше, чем исполнительной и законодательной власти;
- те, кто сталкивался с судом, доверяют ему больше, чем те, кто с ним не сталкивался;
- большинство опрошенных, имевших опыт обращения в суд, подтвердили, что судьи рассматривали их дело непредвзято [Интервью Георгия Сатарова... б.г.].

Вопреки “общему мнению” судебная статистика и опросы общественного мнения свидетельствуют о том, что русское право скорее живо, чем мертво. Впрочем, данные статистики, как и следует ожидать, выглядят весьма неоднозначно.

Таким образом, сегодня мы можем наблюдать в развитии российского права не одну, а две равнозначные разнонаправленные тенденции.

С одной стороны, растет востребованность права; люди все чаще вынуждены обращаться в суд, особенно по экономическим спорам. В подавляющем большинстве случаев дела в суде разрешаются более или менее в соответствии с законом. И, хотя качество судопроизводства и не отвечает современным стандартам правосудия и общественным ожиданиям, но, в общем и целом, является достаточно “сносным”, что и находит отражение в данных судебной статистики и результатах опросов общественного мнения.

С другой стороны, везде, где власть прямо или косвенно является непосредственным участником правоотношений, растут правовой произвол и правовой нигилизм. Власть наподобие “черной дыры” искривляет вокруг себя “правовое пространство”. А в непосредственной близости от нее “правовая материя” так и вовсе исчезает. Все правовые коллизии, в которых представители власти оказываются одной из сторон, как показывают многочисленные примеры, разрешаются в России исключительно в пользу власти.

СТАГНАЦИЯ РУССКОГО ПРАВА

Картина перестает быть радужной, как только мы из сферы гражданского судопроизводства переместимся в сферу уголовного судопроизводства. Здесь мы увидим совершенно другую статистику, наводящую на иные мысли.

Несмотря на все меры, якобы направленные на обеспечение независимости, объективности и состязательности уголовного судопроизводства в России, суды общей юрисдикции выносят не более 1% оправдательных приговоров. Вряд ли кто-то сегодня рискнет отнести такой результат исключительно на счет высокой квалификации работы обвинения...

Не менее любопытно, что судами удовлетворяется более 93% ходатайств об арестах. В совокупности с практически пыточными условиями содержания задержанных в следственных изоляторах (что доказано многочисленными международными судебными решениями) такая практика превращает арест в универсальный инструмент давления на подозреваемых и обвиняемых, которые зачастую оказываются в положении заложников.

Эти данные свидетельствуют о деградации судебной системы, которая происходит одновременно в двух сегментах: “внешнем” и “внутреннем”. Во “внешнем” — падает влияние судебной власти как таковой. Во “внутреннем” — происходит перерождение судебного процесса, его “опрошение”, выхолащиваются институты и правила, которые собственно и составляют содержание правосудия.

В России в течение многих лет неуклонно происходит сокращение “пространства правосудия”. Это многоуровневый и многовекторный процесс, который затрагивает почти все стороны общественной жизни. Одним из проявлений этой тенденции стало относительное снижение роли гражданского судопроизводства. Сегодня обычные хозяйственные конфликты все чаще разрешаются не гражданско-правовыми, а уголовно-правовыми методами. Легче и дешевле уничтожить оппонента, чем судиться с ним. Поэтому вместо исков в суд “субъекты хозяйственной деятельности” предпочитают подавать заявления в милицию о возбуждении уголовного дела и при помо-

щи правоохранительных органов добиваться желаемого экономического результата.

В России теперь принято заканчивать гражданско-правовые споры не решением, а приговором. Обвинение в “мошеничестве” приобрело универсальный характер. Этому составу преступления дается сегодня столь широкая интерпретация, что под нее подпадает практически любой спор “хозяйствующих субъектов”. Любая задержка с возвратом кредита, любое неисполнение обязательств по договору сегодня может быть представлено как “приобретение права на чужое имущество путем обмана”. Это создает основу для преобразования любого гражданского дела в уголовное.

Одновременно российское правосудие теряет свою качественную определенность как особого рода *юридическая* деятельность, превращаясь в разновидность *административной* деятельности, осуществляемой государством. А ведь именно возникновение правосудия как особого рода деятельности по “обслуживанию правовых норм”, осуществляемой специально подготовленными субъектами, обладающими профессиональным правосознанием, по строго определенным правилам, является, по мнению историков права, краеугольным камнем в основании современных правовых систем.

Эта отчетливо наблюдаемая *редукция* правосудия находит свое выражение одновременно в избыточном формализме при применении норм материального права и в отказе от исполнения формальных требований при применении норм процессуального права. Итогом этого процесса становится то, что судебные органы все чаще выносят не столько *правовые*, сколько *правоводобные* решения.

Познание духа законов, проникновение в сущность права, толкование правовых норм во всей их сложной взаимосвязи — все это практически недоступно сегодня российской судебной системе, особенно в ее низовом звене. В то же время нарушение процессуальных норм при рассмотрении дел стало обыденным явлением, усугубляемым несовершенством и неполнотой уголовно-процессуального, гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального кодексов, которые являются не более чем неряшливой “перелицовкой” своих советских прообразов.

Если доверие к суду — кровь судебной системы, то состязательность — это его нерв. Именно состязательность обеспечивает, с одной стороны, относительную автономность правосудия как особого рода государственной деятельности, а с другой стороны, стимулирует творческое отношение к праву и гарантирует соблюдение законности. Состязательность делает правосудие “объемным”, наполняет его жизнью.

Жизнь ушла сегодня из российского правосудия. Принцип состязательности в российском судопроизводстве порой является фикцией, существующей только на бумаге. В суде нет борьбы мнений, потому что эти мнения никем не востребованы. Если правосудие превращается из юридического в административный процесс, то значимым в этом процессе является лишь одно мнение — *руководящее*.

При отсутствии состязательности деградирует не столько суд, сколько правовая система в целом. Адвокатура и прокуратура понесли в России в последние годы даже больший профессиональный урон, чем судейский корпус.

Адвокаты в значительной степени превратились в посредников между клиентом и судом. В отношении тех, кто все-таки избежал этой участи, фактически введен “запрет на профессию”. Исполнение функций защитника или представителя стало рассматриваться следствием как “пособничество” в преступной деятельности, в результате чего адвокаты все чаще оказываются сами жертвами незаконного уголовного преследования. Адвокату в российском суде предоставлена возможность “поприсутствовать” при оглашении заранее определенного решения. И если где и происходит настоящая борьба, так уж точно не в зале суда. Туда, где принимаются решения, “посторонним” вход строго воспрещен.

Справедливости ради надо сказать, что прокуратура сегодня оказалась не в лучшем положении. Прокуратура не пережила нескольких “полуреформ”, мотивом для которых стали не столько юридические, сколько конъюнктурные политические соображения. В сегодняшнем виде она просто не в состоянии квалифицированно поддерживать обвинение в суде. И в этом, а не в чем-то другом кроется причина мнимой неэффективности суда присяжных в России. Одновременно прокуратура лишилась возможности контролировать работу следствия (чем на самом деле всегда исторически только и занималась по-настоящему), окончательно превратившись в “пятое колесо” в телеге российского правосудия. Прокуроры работают в суде “эхом”. Они гулко повторяют все, что сказано следствием.

Но и от самого следователя сегодня мало что зависит. Он превратился в придаток оперативных служб, которые на самом деле и “рулят” любым делом. Мы как бы вернулись в средневековье, восстановив тождество между “розыском” и “правосудием”. На самом деле, уже и суд никакой не нужен, достаточно одного следствия. Сегодня само по себе возбуждение уголовного дела может стать высшей мерой наказания. Следствие в России *самодостаточно*. Оно выносит свое окончательное решение задолго до того, как появляется на свет судебное решение.

Таким образом, российское правосудие деградировало не столько количественно (в смысле уменьшения своего влияния), сколько качественно, откатившись назад даже ниже того уровня, который был достигнут в “позднебрежневский” период. Все его объемные и сложные “правовые фигуры” стали вдруг плоскими и примитивными. Оно как-то разом “схлопнулось”, превратившись из юридической симфонии в пьесу для “механического пианино”. В этой ситуации право в целом перестает быть чем-то осязаемо объективным, а больше напоминает инструмент насилия.

Не желая загромождать статью многочисленными иллюстрациями того, как уголовное преследование повсеместно становится инструментом решения экономических и политических задач, которые без труда можно найти в Интернете и СМИ, приведу без комментариев лишь опубликованный “Российской газетой” обмен мнениями на выездном совещании Правительства РФ по вопросам транспорта в Астрахани:

“Реконструированный аэропорт с модернизированной взлетно-посадочной полосой в 2,5 километра откроется к 1 октября этого года, когда там установят все оборудование, держал ответ министр транспорта Игорь Левитин.

– Оборудование российское? – неожиданно спросил Владимир Путин, видимо, не желая увидеть зарубежные детали на родной авиации.

– Да. Но у нас другие проблемы: 51 процент акций аэропорта в федеральной собственности, а 49 принадлежат миноритариям, которые никому не понятные.

– Как никому не понятные? Что, нет структур, которые могут разобраться?

– Владимир Владимирович, уже разобрались с миноритарием, он в местах лишения.

– Да ладно! И? Не ждать же нам, когда он из тюрьмы выйдет.

– Мы попросили его продать свою часть – он согласился, – удовлетворенно отметил Александр Жилкин, добавив, что в течение 10–15 дней вопрос перепродажи акций будет решен” [Российская газета 2008].

ДВОЙСТВЕННАЯ ПРИРОДА РУССКОГО ПРАВА

Внешний дуализм российского права есть проявление его внутреннего дуализма. В конечном счете, сосуществование двух взаимоисключающих тенденций в развитии современного российского права частично отражает его противоречивую двойственную природу.

Русское право не по эффективности, а по сути своей принципиально отличается от западного права. Как было указано выше, главной отличительной чертой западного права, краеугольным камнем западной правовой системы является формализм. Из формализма западного права вырастает его уникальная универсальная императивность (обязательность), сыгравшая столь важную роль в истории западных обществ.

Русское право, в отличие от права западного, носит условно императивный характер. Оно не то чтобы было совсем необязательным, но его обязательность не является безусловной и зависит от большого числа внешних обстоятельств. Право в России выступает неким ориентиром желательного поведения, указывает направление движения. При этом сохраняется очень большая “вариабельность” моделей этого “желательного поведения”. Можно сказать, что русское право имеет *“индикативный характер”*.

Речь идет не об элементарном неисполнении права, а о его системной характеристике, где это самое вечное “как-бы-исполнение” является, на самом деле, его сквозной, сущностной чертой. Русскому праву свойственна внутренняя противоречивость “полуфабриката”. С одной стороны, вроде бы это сложившееся социальное явление, в котором просматриваются вполне определенные характеристики. С другой стороны, все в нем не доведено до “кондиции”, его черты диффузны и размыты. Русское право неопределенно и эластично. Это, скорее, какая-то гуттаперчевая субстанция, чем твердая матрица, как на Западе.

Приписываемая Салтыкову-Щедрину характеристика русского права, вынесенная в эпиграф этой статьи, представляется не столько остроумным наблюдением, сколько весьма глубокой его сущностной характеристикой. Тот, кто попал в Россию первый раз, оказывается вначале шокирован “зарегулированностью” русской жизни, наличием бесчисленных обременительных норм и правил. Одновременно он видит, что все эти бесчисленные нормы и правила повсеместно игнорируются, что жизнь движется по каким-то своим осо-

бым законам, а то и вовсе напоминает “бои без правил”. Ошибаются и те, кто хочет увидеть в русском праве “кальку” с западного права, и тот, кто полагает, что Россия — это правовые джунгли, где можно делать все, что угодно. Русское право было и, видимо, надолго останется неким двуликим Янусом, сочетающим в себе крайний формализм с бескрайней гибкостью.

Право в России является действующим, но оно действует с определенными изъятиями. Эти изъятия условно можно разделить на абсолютные и относительные.

Абсолютные изъятия (нарушения) русского права, обычно, политически мотивированы и непосредственно связаны с влиянием власти на отправление правосудия. Они обусловлены наличием у российской власти специфического “правового иммунитета”. Этот иммунитет выводит представителей власти (не всех, а лишь высший ее эшелон) за рамки правового поля. Он создает внутри общества своеобразную “касту неприкасаемых” по-русски. Русское право на практике не признает равенства перед законом и в этом смысле является рудиментом традиционной культуры.

Существуют две основных разновидности политически мотивированных (абсолютных) изъятий из русского права: для тех, кто находится “над правом”, и тех, кто оказался “под правом”.

К первой категории относятся представители властной элиты, которые не могут на практике быть привлечены к юридической ответственности вне зависимости от того, какие проступки или преступления они совершили. Эти люди недосыгаемы для закона в современной России. К ним бессмысленно предъявлять претензии, требовать исполнения обязательств. В определенных случаях это может даже создавать серьезные риски для тех, кто инициирует подобные процессы.

Сегодня правовым иммунитетом в России пользуются представители высшего слоя бюрократии, старшие офицеры ряда силовых ведомств и приближенные к ним лица. По отношению к этим “субъектам” право начинает действовать только в случае возникновения конфликта “равных”. Но, как правило, представители властной элиты предпочитают улаживать свои конфликты неформально путем переговоров, не прибегая к помощи права.

Ко второй категории принадлежат все те, кто по каким-то причинам стал личным врагом для представителей первой категории. Эти лица оказываются в России вне закона в прямом, а не в переносном смысле этого слова. Они фактически не могут рассчитывать на защиту со стороны государства при посягательстве на их жизнь и имущество со стороны любых третьих лиц. Поэтому они и их имущество становятся легкой добычей для криминальных структур и коррумпированных “силовиков”. Эти люди также становятся “неприкасаемыми”, но уже в более традиционном понимании этого слова.

Иногда, в исключительных случаях, лица из первой категории могут перемещаться во вторую категорию. Зачастую рождаются в России так наз. резонансные дела, являющиеся камертоном политико-правового произвола.

Однако за пределами этого властного круга право продолжает жить, хотя и весьма специфичной жизнью. Оно действует как стрелка компаса в зоне сильной магнитной аномалии — т.е. с отклонениями, которые, однако, не носят абсолютного характера.

Эти “относительные” изъятия из русского права мотивированы, скорее, культурно, чем политически. Можно указать на два типичных “отклонения”, наиболее часто встречающиеся на практике.

Во-первых, правомерное поведение в России должно стимулироваться. Как правило, предписания законов не исполняются автоматически. Заинтересованное лицо, которое хочет получить то, что ему положено по закону, должно приложить для этого недюжинные усилия. Оно вынуждено прибегать к материальному стимулированию, моральному воздействию, использовать личные связи и так далее. Любому законному решению в России необходимо “приделать ноги”, так как само по себе оно останется нереализованным.

Во-вторых, право в России есть вопрос “обсуждаемый”. При соблюдении наиболее существенных, принципиальных требований закона вполне допустима “погрешность” в деталях, в мелочах. В этом смысле все право в России в той или иной степени носит “договорной характер”. Субъекты правоотношений в России постоянно уточняют, корректируют, совершенствуют право, придавая российской правоприменительной практике неподражаемую оригинальность.

Все это вместе приводит к тому, что право в России продолжает оставаться “неотделенным” от экономических, политических и личных отношений, оно как бы растворено в них. Русское право так и не развилось в самостоятельный социальный феномен.

Как это ни парадоксально, но в реальной жизни эта немислимая гибкость правоприменения является не только злом, но и добром. Она позволяет с легкостью находить выходы из лабиринтов, созданных зарегулированностью и бюрократизированностью российской жизни. Именно поэтому в России не формируется мощное движение в поддержку правового формализма. Значительная часть населения приспособилась к “гибкому” русскому праву, чувствует себя в этой правовой атмосфере совершенно комфортно и не желает менять привычные условия существования.

Проблема, однако, состоит в том, что “абсолютные” и “относительные” нарушения права оказываются внутренне между собой связанными. “Абсолютный” правовой произвол, в конечном счете, является удаленным, но неизбежным следствием “относительности” российской правовой системы, ее неопределенности и необязательности. Именно невосприимчивость россиян к правовому формализму создает почву для государственного произвола, деформирующего правовое поле России.

Сегодняшний остро ощущаемый всеми правовой кризис связан прежде всего с тем, что зона “абсолютного”, политически мотивированного правового произвола резко расширилась. Круг лиц, де-факто имеющих правовой иммунитет, защищающий их от уголовной, административной и даже гражданско-правовой ответственности, вырос до критически опасных пределов. Соответственно, все большее число лиц становятся бесправными. Это грозит повергнуть жизнь российского общества в хаос.

Такое развитие ситуации входит в острое противоречие с другой правовой тенденцией — растущей потребностью общества в праве, обусловленной развитием экономических отношений. Двум этим тенденциям — к расширению пространства права, обусловленному экономическими факторами, и к его

сужению, обусловленному политическими факторами, — все труднее сосуществовать друг с другом. Уже в самом ближайшем будущем одна из тенденций должна будет стать доминирующей. Либо потребности экономического развития заставят власть расчистить площадку для нормального развития русского права, либо сужение правового поля под давлением политических обстоятельств приведет к стагнации, а, может, и коллапсу российской экономики.

Но для того, чтобы возобладала тенденция к расширению правового пространства, к вытеснению политически мотивированных “отклонений” правоприменительной практики, должна измениться сама природа русского права. Его дуализм должен быть преодолен, право должно стать более формальным, более обязательным. Для всех, а не только для власти...

Это в свою очередь может стать следствием глубочайших подвижек в культуре, в системе базовых этических ценностей, из которых, собственно, и вырастает российское правосознание. “Революции права” должна предшествовать культурная революция, и изучение их взаимосвязи и взаимозависимости является одной из актуальнейших задач российской политической науки.

Интервью Георгия Сатарова радиостанции “Эхо Москвы”: <http://www.echo.msk.ru/programs/court/656172-echo/>

Сидибе П. Форпост умеет считать. 5.09.2008. — *Российская газета*:
<http://www.rg.ru/2008/09/05/forpost.html>

Сайт Высшего арбитражного суда РФ: <http://www.arbitr.ru/press-centr/news/totals/>

Сайт судебного департамента при Верховном суде РФ: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5>

